

Жестокость любви

Ей нравилось брать сияющую чернильно чашку и убаюкивать губы в истомной прохладе чая с молоком.

- Я могу уйти? – её голос качнулся бесшумно и оставил сомнение. – Я могу уйти. Не держи меня.

- Я не держу. Ступайте, – подумав, он тонко очинил прежние мысли о ней и успокоил свою тоску.

O sole mio! – начинал и печалился голос, сброшенный вниз, на примятые мраморные ступени и сгрудившиеся листья. Пели на четвертном этаже.

- Только Вам, и единственно Вам я посвящаю то, что осталось от других.

- О, это запутанно и много. Посвящайте всё бумаге.

- Бумага предаёт. Посмотрите: уже сейчас мертва и надменна...

Где-то принуждённо стучали часы, в комнате было глухо. И скрытая потенция временного подчинения плавно кружилась в воздухе, отгоняя все иные страхи и возможности.

- Я стянут Вами, как обручем, пустите. К чему длинноты в поступках?

- Не гоните!

- Мелочь, оригинальная мелочь.

- Не гоните! Прошу, прошу...

- Омерзительно. Грязно. Гадко.

- Всё?

- Всё.

Страшный колыхающийся сумрак дня сменился светлой, расширенной к небу ночью. И свет бил, бил из отростков каждого дерева, обрамлял замолчавшие здания. Силы не убывали, а прибавлялись тогда, чтили святыню творчества, аккуратно обходя недомыслие и поспешность суждений.

- Я думаю, Вы не сумеете посметь прийти сюда ещё один раз, – чутко уронил фразу. Подняла веки и снова намеренно быстро опустил.

Глобус в окне седьмого этажа дома напротив платил за опрометчивость весенней щедрой синевы Невы и неба, взятых вместе, как одно целое, в этом углу шарике.

Он впихнул кассету и долго напряжённо наблюдал за выражением ленты.

Уверенный покой его домашней комнаты был тосклив и страшен. И она ушла, бросившись в несчастье, брошенная и выкинутая, ненужная.